

ТАТЬЯНА АБАЛОВА

КОШКА
ПО НАРОШКУ

Татьяна Абалова
Кошка понарошку
Серия «Невероятные
летописи Эйракии», книга 2

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=72955747

SelfPub; 2025

Аннотация

Услышав плач котенка в заброшенном доме, я не смогла пройти мимо. Но стоило мне дотронуться до несчастного животного, как я оказалась в темном лесу, а вместо рук у меня были... лапки. Как выжить кошке в незнакомом мире? Правильно, найти человека, который будет о ней заботиться. И вот я мурлычу и трусь о ноги незнакомца в шляпе, лишь бы взял с собой и не дал погибнуть.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	12
Глава 3	20
Глава 4	29
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Татьяна Абалова

Кошка понарошку

Глава 1

Я летела домой на крыльях. Наконец–то начались каникулы! Хорошее настроение поддерживалось большим брикетом мороженого и новыми наушниками. Иногда нужно себя баловать. Я уже предвкушала, как положу в чашку огромный кусок пломбира, обильно сдобрю его свежей малиной, надеву наушники, включу музыку и улечу в nirvanу. Молодая, красивая и свободная!

Я не покривила душой, когда описывала себя: мне двадцать лет, друзья считают меня привлекательной, что я и сама вижу в отражении зеркала, когда привожу себя в порядок, а не брожу по дому нечесаная и в пижаме. И что еще важно – сейчас я совершенно свободна от отношений.

С Артемом у меня давно не ладилось, и я никак не находила причину, пока не обнаружила в сети его фотографию с моей подругой. Я отказалась пойти на вечеринку, так как готовилась к экзамену, и он быстро нашел, с кем приятно провести время. На прямой вопрос получила невнятное: «Ты не так все поняла. Меня кто–то подставил».

Понятно кто. Подруга и подставила, я давно заметила, как

ревностно она относится к нашему общению. Дулась, наговаривала на Артема, делала меня виноватой в том, что мы, закадычные подруги, стали реже видаться. Теперь я свободна от них обоих. Пусть и дальше целуются взапас. Мне уже не больно.

Чтобы стать новой, я выкрасила волосы в синий под цвет глаз, накупила провокационных шмоток, которые возьму с собой на море – летящих, тонких, чтобы угадывались прячущиеся под ними формы. У меня высокая грудь, не нуждающаяся в лифчике, тонкая талия, округлые бедра и бесконечные ноги. Я – богиня!

Нет, я не настолько самоуверенная, чтобы думать о себе, как о высшем существе. Просто считаю нужным напоминать себе, что я хороша, иначе вновь упаду духом и погружусь в бездну отчаяния. После измены Артема моя самооценка сильно пострадала.

Чтобы взбодриться и доказать, что я открыта всему новому, я написала план «Как я собираюсь провести лето», где первым пунктом значилось заветное «Влюбиться». Кандидата на летнее приключение я еще не встретила, но мне было достаточно предвкушения, чтобы испытывать волнение и приближение счастья.

Я жила в той части города, где чудом сохранились частные дома. До нашей окраины еще не добрались добрые молодцы, стремящиеся разрушить старое и построить новое – многоэтажное, шумное и подверженное страстям спальных райо-

нов. Мы были своеобразными Южными штатами, сопротивляющимися наступлению индустриального Севера. Совсем как в романе «Унесенные ветром».

В нашем непуганом раю шла тихая и размеренная жизнь, где обитатели не скрывали себя за высокими заборами. Мы и без камер слежения знали все о соседях, а соседи о нас. Наши дома утопали в зелени, за калитками тявкали собаки и разгуливали курочки, а на задних дворах прятались парники, где круглый год росло все свое – свежее, вкусное и витаминное.

Отчаянное мяуканье я услышала издалека. Улица у нас тихая, соседи сердобольные – животину за порог не выбросят, оттого и задел за живое этот звериный крик о помощи.

Я остановилась у заросшей шиповником ограды старого полуразрушенного особняка. Звук явно шел из его глубин. Про этот дом ходили легенды, вплоть до того, что там водятся привидения. Враки, конечно. Любителям выпить и не такое померещится.

Среди местных мусолили байку, что из старинного особняка в каждое полнолуние доносятся звуки рояля и женское пение, причем до того прекрасное и манящее, что услышавший его приходил в себя только тогда, когда до крови обдирался о колючие кусты. Так велико было желание посмотреть на обладательницу чарующего голоса.

Еще поговаривали, что перелезшего за ограду больше никто не видел, хотя имени смельчака назвать не могли. Словно

оно массово стиралось из памяти жителей нашего закоулка.

Пугали и могильные камни маленького семейного кладбища, раскинувшегося у садовой ограды. Почерневшие кресты можно было разглядеть с соседней улицы. Как шептались старики, их число с каждым годом множилось, хотя на этом погосте давно не хоронили.

– Нечисто там, Дина. Не смей даже близко подходить к нему, – предупреждала меня бабушка, когда я расспрашивала ее об особняке.

Ольга Владимировна Криницына – мама моего отца. Бывшая учительница химии, вполне себе ученый человек, но и она с опаской относилась к заброшенным домам. Нечисть обитает там или бомжи – не суть важно, лучше держаться подальше.

С некоторых пор, а именно после смерти их общей с Вероникой подруги Любочки, бабушка начала верить в потустороннюю жизнь. Я слышала их разговор, что люди после смерти не исчезают, а переносятся в иные миры. Мол, баба Люба передала им оттуда привет. Я конечно же, списала их веру в небылицы на возраст. Чем ближе порог, который всем однажды придется переступить, тем больше хочется надеяться, что это не конец.

Я с младенчества жила с бабой Олей. Родители – вулканологи, мотались по всему свету, пока окончательно не обосновались за границей, получив какой-то престижный грант в одном из исследовательских институтов.

Полгода назад к ним перебралась и бабушка: нянчить нового внука. На старости лет родители осчастливили всех нас младенцем. Я осталась одна, но совсем не скучала. Друзья, учеба, подработка репетитором – родительских денег хватало, но хотелось иметь свои, чтобы лишний раз не напрягать папу.

– Мяу! – в голосе котенка уже слышалось отчаяние.

Я встала на цыпочки, чтобы понять, из какой части дома слышится мяуканье. Трехэтажное строение, появившееся на свет чуть ли не два столетия назад, по канонам старой архитектуры было украшено стройными колоннами и широкой каменной лестницей. Сейчас оно являло собой развалюху, пытающуюся сохранить остатки былого великолепия.

Провалившаяся крыша, окна, зияющие чернотой, прогнившие деревянные части, торчащие наружу, словно кости истлевшего чудовища, соседствовали рядом с мраморными розетками, затейливыми арками и изящными балюстрадами навесных балконов.

Аллея, которую некогда облагораживали возведенные на постаменты скульптуры, сейчас казалась проходом в преисподнюю. Мороз шел по коже, когда я смотрела на Аполлонов и Аврор с отбитыми конечностями и пустыми глазницами. Они стояли у истоков величия этого места, а теперь пялились на буйно разросшуюся зелень, которая потихоньку пожирала их самих и дом.

Значение этого особняка помнила и наша мэрия, охра-

няя от посягательств застройщиков трехэтажную развалюху, портящую вид нашей улицы. Соседи писали коллективные письма, требуя решить судьбу усадьбы, пугающей своей заброшенностью. Просили или начать реставрационные работы, или начисто снести строение. Соседство со странным особняком никому не доставляло удовольствия.

Власти отписывались, утверждая, что здесь жила некая знаменитость, поэтому особняк представляет культурную ценность. О какой реставрации могла идти речь, если денег у нашей мэрии не хватило даже на табличку с именем знаменитости? Да и знали ли они его?

– Ммяу! – котенок известил, что его силы на исходе. Его придушенный писк заставил меня перекинуть сумку с тающим мороженым за спину и попытаться продраться через кусты, толкая перед собой створку ажурных ворот.

Открыть до конца ворота не удалось. Они застряли, кое-как подмяв под себя колючую растительность. Перелезая, я порадовалась, что надела джинсы и кроссовки, иначе ободрала бы себя до костей, настолько разросся шиповник. Преодолев первую преграду, я поспешила вперед – к аллее, где трава росла чуть ли не по пояс.

Я вздрогнула, когда за спиной раздался неприятный скрежет. Обернувшись, я обнаружила, что створка вернулась на место, а кусты вновь встали колючей стеной. Мне нужно будет хорошо подумать, как выбраться из плена, когда я спасу котенка. Неужели придется идти через кладбище?

Чтобы не терять время и не втягивать голову в плечи под взглядами искалеченных временем скульптур, до парадного входа я бежала. Пыльный холл встретил прохладой. Пол в шашечку из белого и черного мрамора был ровным и гладким, словно его выложили только вчера. Никаких зияющих дыр и вспучиваний, что обнадеживало: я не закончу рискованный поход, провалившись в подвальное помещение.

Правда, я едва не описалась от страха, когда увидела вишащее под потолком привидение в сером саване. Его концы шевелились. Лишь приглядевшись, поняла, что это люстра, которую кто-то заботливый укутал в просторное полотно. Удивительно, что она не рухнула. Еще одно свидетельство того, что дом, несмотря на поверхностные разрушения, оставался все еще крепким.

– Кис-кис-кис! – позвала я. Пискнули в ответ где-то на вершине лестницы, плавным изгибом устремляющейся ко второму этажу.

Я шла осторожно, опасаясь дотрагиваться до перил. Деревянная балюстрада местами рассыпалась, обнажив металлические прутья. Под ногами скрипели мелкие камешки и осколки пыльного стекла. Хрустели листья, заброшенные непогодой еще осенью. Огромное витражное окно, некогда украшенное цветной мозаикой, без преград впускало в помещение яркий дневной свет и вольный ветер. Он и шевелил «саван» на люстре.

– Кис-кис-кис! – позвала я, прислушиваясь к звукам.

На втором этаже лестница раздваивалась и вела еще выше. Сейчас она уже не выглядела такой основательной. Полностью деревянная, она пугала отсутствующими ступенями. И, конечно же, котенок заплакал именно оттуда.

– Мамочки! – произнесла я, когда определяла, какой из путей вверх более надежный, и шагнула на первую ступень. Старалась идти ближе к стене, где лестницу поддерживал каменный обод.

То ли котенок, заслышав меня, убежал, то ли он изначально сидел в самом дальнем помещении, а эхо искажало звук, делая его обманчивым, но его «мяу» никак не становилось ближе. Я шла по коридору, заглядывая в каждую комнату, где до сих пор сохранились мебель и крупные детали интерьера – гобелены, ковры, лампы с огромными абажурами.

Красиво, печально и жутковато от вида заброшенности.

Странно, что особняк за годы его существования не разграбили или хотя бы не изъяли предметы старины для хранения в музейных запасниках. То ли дурная слава о нем внушала страх, то ли о доме не знали те, кто осмелился бы поживиться его раритетами. Все стояло на местах и в относительном порядке. Возможно, причина крылась в том, что здание не было видно с дороги, а на нашей улице редко появлялись чужаки.

– Мяу! – раздалось совсем рядом, что означало конец пути и страхов, вызывающих нервную дрожь.

Глава 2

Я шире распахнула дверь и оказалась в просторном салоне, хорошо освещенном солнечными лучами. На возвышении стоял огромный белый рояль. Вокруг пугали пыльными покрывалами ряды кресел. По их числу я поняла, что хозяин особняка был богат и мог пригласить на музыкальный вечер едва ли не полгорода. Я будто наяву видела обмахивающихся веерами дам и джентльменов с моноклями, слушающих прекрасную игру и не менее прекрасное пение.

Я вздрогнула, когда из рояля полились расстроенные звуки. По клавишам бежал котенок, понявший, что его спасительница, наконец, явилась. Спрыгнув, он понесся между рядами кресел. Только когда он подбежал, я поняла, что зверек лишь отдаленно напоминает кошку. И вовсе не голубой цвет шерстки был тому виной. Сейчас многие хозяева окрашивают животных в яркие цвета.

Я перестала дышать, когда поняла, что на голове котенка растут рожки, а на спине крылышки, как у стрекозы. Они переливались всеми цветами радуги, когда неизвестное науке животное попыталось взлететь. Я присела на корточки. Я все еще верила, что найду ремешки, прячущиеся среди густой шерсти. Знала я золотистого ретривера, которому хозяйка на прогулке пристегивала крылышки бабочки, а в зубы давала маленькую дамскую сумочку.

Стоило мне протянуть руку и дотронуться до мягкой спинки, как мир потемнел и перевернулся. Я утратила способность слышать, видеть и двигаться. Мое тело онемело, к горлу подкатила тошнота, словно я летела в неизвестном направлении. Вскоре я почувствовала удар спиной о воду и поняла, что утону, если не заставлю свое тело двигаться. Я набрала полную грудь воздуха, прежде чем погрузилась в черную пучину.

Я страстно хотела жить. Выйдя из оцепенения, я что есть сил заработала руками. Они плохо слушались. Имея первый разряд по плаванию, я гребла по-собачьи, ведь на большее я почему-то не была способна. Только почувствовав твердую почву под ногами, я выбралась на берег и рухнула.

Легкие раздирали от боли, голова гудела колоколом. Я потянулась за сумкой, чтобы достать телефон и осветить, чтобы понять, куда я провалилась, но обнаружила, что не могу сделать привычное движение – завести руку за спину.

Первой мыслью было: меня частично парализовало. Но когда нащупала, что на мне вместо ветровки и джинсов шуба из кроличьего меха – так во всяком случае показалось в полной темноте, я закричала. И не узнала свой голос. Я издала какой-то нечленораздельный ор.

Поднеся пальцы ко рту, их я тоже не обнаружила. Это было что-то вроде когтистой лапки! Я взревела и понеслась куда глаза глядят. На всех четырех конечностях! Так оказалось гораздо удобнее. А страх лишь придавал сил.

Меня хлестали мокрые ветви, я проваливалась в наполненные грязью ямы, но упорно выкарабкивалась, чтобы вновь нестись по черному лесу. Сколько раз я стучалась головой о стволы деревьев или ухала в глубокую лужу – не считать.

Я шарахалась от хруста ветвей, издаваемого вовсе не моим изменившимся телом, а кем-то невидимым в темноте. Я взвизгивала, когда вдруг встречалась взглядом с горящими огнем глазами, плакала, когда очередной колючий куст оставлял на моем измученном теле царапины или я на нем клочки шерсти.

Не знаю, то ли я бежала всю ночь, то ли густые кроны были до того плотно переплетены, что не пропускали солнечного света, но неожиданно я вывалилась на поросшую травой дорожку, идущую меж стоящими стеной деревьями–великанами. Прямо под копыта лошади, на которой восседал мужчина в черной шляпе. Это было последнее, что я видела, пока тившись кубарем.

Очнулась я верхом на коне. Нет, я не сидела впереди всадника и уж тем более не тряслась на лошадином крупе за его спиной. Я ехала в дорожной сумке, укутанная во что-то мягкое, похожее на рубашку и пахнущее здоровым молодым телом.

Я девушка сообразительная и не лишена фантазии, поэтому отмела такие причины моего погружения в нереальность, как кома и шизофрения. Куда приятнее думать, что я пере-

местилась в другой мир, попав в тело кошки. На этом я решила остановиться и не терзать мозг догадками и паническими атаками. Иначе на самом деле сойду с ума.

– М, пришла в себя, киса? – всадник в черной шляпе покосился на меня. – Сейчас доберемся до ближайшего трактира, и я сдам тебя в более надежные руки. Прости, но возиться с кошками у меня нет ни времени, ни желания. Я на службе у короля и редко бываю дома. Сдохнешь, ожидая, когда я налью тебе молока.

Я смотрела на мужчину во все глаза и боялась открыть рот. Мало ли какие звуки оттуда польются? Пусть лучше думает, что я самая настоящая кошка, чем ведьма, умеющая превращаться в мелких животных. Такой, испугавшись, и утопить может.

По одежде и по способу передвижения было понятно, что образчик мужской красоты не является представителем современного мира. И чем дальше вглубь веков, тем больше вероятность, что меня, приняв за ведьму, сожгут на костре. Пока понятно было одно: мой новый знакомый не является злодеем, иначе не подобрал бы мокрую и грязную животину и не завернул бы в собственную рубаху.

Я хотела оглядеть себя, чтобы понять, на что похожа, но меня укутали по самую шею, и все, что мне дано было увидеть, так это то, что я стала обладательницей шикарных усов. Славненько. Но в моем превращении обнаружилось и одно полезное свойство. Став кошкой, я обрела тонкий нюх.

Я чувствовала не только, как пахну сама – влажной шерстью, болотной тиной и дорожной пылью, но и запахи, идущие от мужчины. Дым костра и конского пота – скорее всего всадник давно не покидал седло. А еще застарелый запах крови и вонь какой-то лекарственной мази. Судя по всему, его путешествие не было безопасным.

Я находилась еще не в том состоянии, чтобы осмыслить, где я и что со мной произошло, а также, чего мне следует бояться, поэтому я сочла более полезным задремать. Мужчина, переложив плетку в другую руку, почесал меня между ушками. И я замурлыкала. Как оказалось, я умела издавать приятные звуки, ведь мой ночной ор напугал даже меня саму.

Я проснулась от того, что меня вытаскивали из сумки. Я уже успела обсохнуть, хотя качество шерсти оставляло желать лучшего. Она свалялась и выглядела грязно-серой. Я вытащила лапу, подчиняясь необъяснимому желанию лизнуть ее и провести по лицу, чтобы хоть как-то привести себя в порядок.

Мой спаситель хмыкнул.

– Женщина есть женщина. Чуть не сдохла, а красоту на морде навести торопится.

«Я и есть женщина. Только заколдованная. И перестаньте употреблять по отношению ко мне такие слова, как сдохла и морда», – вот, что я хотела произнести, но получилось скрипчее некрасивое «Мя-я-я-я». Я все-таки сорвала голос.

В трактире пахло прогорклым жиром, едким дымом и немытыми телами. Я громко чихнула, чем привлекла к нам обоим внимание. К моему спутнику тут же подошла дородная трактирщица.

– Добро пожаловать, господин...

– Венчур, – представился он коротко.

Трактирщица дождалась, когда посетитель назовет свое имя, после чего присела в приветственном поклоне.

Я вытянула шею, чтобы увидеть, на что с такой кривой ухмылкой смотрит мой спаситель. Трактирщица демонстрировала ему большую дебетую грудь, держащуюся за тканью блузки только благодаря крепким завязкам.

Я презрительно фыркнула.

«Мужчины есть мужчины. Даже после долгого пути и при наличии воспалившейся раны, они не прочь потискать кухарку», – вот что значили издаваемые мною звуки.

Мой спаситель, словно поняв мой посыл, убрал с лица улыбку.

– Кусок холодного мяса, кувшин пива и чашку молока для моей спутницы. И побыстрее, – приказал он, усаживаясь за стол.

Пристроив меня на скамью и кинув рядом черный кожаный плащ и широкополую шляпу, Венчур расслабился. Оперся спиной о стену, вытянул под столом ноги и закрыл глаза, дав мне возможность лучше рассмотреть его.

Он был невероятно привлекателен. Вроде бы и выглядел,

как человек, но чувствовалось, что он неземной расы. Такое же чудо чудное, как котенок, которого я кинулась спасать. У милорда не было ни рожек, ни стрекозиных крылышек, но я ясно понимала, что передо мной образец героя, каким его описывают в романах фэнтези. Оборотень, например, умеющий взвиться в небо вороном. Или боевой маг. Но не некромант. Запах земли и тлена я почувствовала бы сразу.

А вдруг я попала в руки к самому настоящему принцу? Все говорило о том, что он был не из простых парней. Взять хотя бы его вьющиеся волосы, длиной почти до пояса. Несмотря на то, что Венчур был в дороге не первый день и даже где-то нарвался на клинок – мой нос все еще чувствовал запах крови, его локоны оставались блестящими и шелковистыми. Таким позавидовала бы любая девушка.

Я вздохнула. Мне нечему завидовать. Теперь вместо длинных и красивых волос у меня пушистая шерстка, и я, подчиняясь инстинктам, вылизываюсь. Кстати, благодаря «умыванию» собственной слюной, я разглядела, что мой окрас не серый, а синеvато-голубой. Совсем, как мои волосы перед тем, как я стала кошкой.

В горле неожиданно засвербело, и я закашлялась.

Венчур открыл один глаз и покосился на меня. И тут меня стошнило, и я выплюнула клок свалывшейся шерсти. Лицо моего спасителя скривилось в брезгливой гримасе. Если бы могла, я бы покраснела. Я лапкой столкнула свой позор со скамьи и подняла на мужчину виноватый взгляд. Он устало

вздыхнул и опять закрыл глаза.

Но зато я успела рассмотреть их цвет: темные, точно сливы. В их глубине светилось нечто, что делало их волшебными. Как-будто оттуда смотрело древнее существо. Если бы я могла, передернула бы сейчас плечами. Но я только чихнула, за что получила еще один осуждающий взгляд темно-сливового глаза.

Как я и говорила, Венчур был так хорош, что не к чему было придраться. Длинные ресницы, подвижные брови, активно участвующие в выражении эмоций, красивой формы нос, четко очерченные губы и волевой подбородок. Скулы тщательно выбриты, что говорило о похвальной самодисциплине. Обожаю таких мужчин. Сто очков в его пользу.

Я опустила глаза ниже, чтобы без стеснения насладиться и остальным: широкими плечами, туго обтянутыми рубашкой с франтоватым шейным платком, прячущимися под рукавами шерстяного сюртука мускулистыми руками, крепкими ладонями, облаченными в укороченные перчатки.

Кажется, вариант таких перчаток с открытыми пальцами называется митенками. Благодаря им, я могла убедиться, что ногти моего спасителя хоть и были коротко пострижены, но выглядели ухоженными. Без темной каемки по ободку. Еще сто очков. Как же мне нравились мужчины, которые не позволяли себе быть грязнулями, ссылаясь на долгий путь и отсутствие удобств в средневековое время.

Глава 3

Я с обожанием посмотрела на прекрасное мужественное лицо. И осеклась. Боже, что я творю! Почему я выискиваю в незнакомце черты, за которые в него стоит любиться? Откуда такое желание мурчать и тереться о его ноги? Хорошо, что я сижу на скамье, а между нами его вещи. Сейчас без стеснения выгибала бы спинку, лишь бы он меня погладил.

И тут я со всей очевидностью поняла, что мой восторг по отношению к спасителю был проявлением чисто животных инстинктов. Не зря же говорят: «Влюбчива, как кошка». Будь я сейчас собой и встречу мне на пути человек неземной расы, я бы бежала от него без оглядки. А тут смотрю преданно в глаза и мечтаю забраться к нему на колени. Фу! Нехорошая девочка!

От терзаний меня отвлекла молоденькая подавальщица, поставившая на пол блюдце с молоком. Я мягко прыгнула со скамьи и подошла к блюдцу, не забыв при этом погладить хвостом ногу господина Венчура. Понюхала и, только поняв, что молоко не горячее, принялась лакать. Надо же, у меня получалось!

Подавальщица умилялась. Стояла, сложив руки в замок на округлом животе, и смотрела на меня с улыбкой.

– Нравится? – спросил Венчур, отодвинув ноги, чтобы мой хвост оставил их в покое.

– Красивая, – кивнула подавальщица.

– Забирайте!

Я перестала лакать, поняв, что пришел час расставания со спасителем. Желудок сжался болезненным спазмом, и я нырнула под скамью, чтобы там изрыгнуть из себя все выпитое молоко. Естественный отклик организма на неприятное известие. Я к господину Венчуру со всей душой, а он так легко передает меня в чужие руки!

– Бог с вами! – девушка сменилась в лице. Я из-под скамьи видела, как она побледнела. – Сирену в дом? Я еще в здравом уме!

– Сирену? – не понял Венчур.

– А вы разве не знаете, кого подобрали в Туманном лесу? Это же с некоторых пор пристанище фей, – голос подавальщицы от волнения звенел. Я высунулась, чтобы ничего не пропустить. Я – фея? – Люди его стороной обходят. Лучше сделать крюк через город, чем подвергнуться искушению.

Я осторожно вышла, чтобы увидеть реакцию Венчура. Так вот, оказывается, чем я только что занималась – искушением. Я делала все, чтобы спаситель стал моим хозяином: смотрела влюбленными глазами, мурчала и урчала, терлась о ноги. Да, кошки – великие искусительницы.

Вот только я думала, что искушают совсем по-другому. И в моем представлении фея – это нечто доброе, раздающее по заслугам с помощью волшебной палочки. А подавальщица говорить о нас, как о злых существах, которых следует

объезжать десятой дорогой.

Венчур внимательно смотрел на меня. Я быстро сделала невинные глаза.

– Но почему они называются сиренами?

– А разве вы взяли ее с собой не потому, что вас пленил ее голос?

– Пленил? Да я не слышал более отвратительного голоса. Я просто пожалел несчастное мокрое животное, которое кинулось под копыта моего коня. Стыдно сказать, но я впервые слышу о таких тварях, как сирены.

Я расстроилась. Как же быстро я из феи превратилась в тварь!

– Не верю, что ни в одном из трактиров, где вы останавливались на ночлег, вам не рассказали местную байку. А я – то думаю, какой смелый господин, не побоялся приручить сирену.

– Обычно я малоразговорчив. Поел, отдохнул и снова в путь. И как давно в ваших краях поселились сирены? И почему Ясный лес вдруг переименовали в Туманный? Правда, я проезжал через него в последний раз лет пять назад.

– С тех пор и переименовали, как начали пропадать люди. Точно не скажу, когда. Сначала один домой не вернулся, потом второй сгинул. А уж когда толпами принялись исчезать, смекнули, что лучше эти места стороной обходить. А все этот проклятый туман. Как рассказывали чудом уцелевшие, в его пелене виднелись нагие женские фигуры, а ча-

рующее пение даже самых стойких сбивало с пути. Стоило слезть с лошади и шагнуть в чащу – все, считай, пропал.

– Но я сам только оттуда и не видел никакого тумана!

– Значит, повезло. Некоторые из отчаянных, не желая тратить день на объезд, залепляли уши воском, а на лицо надевали конские шоры, лишь бы не поддаваться соблазну. Феи же обычно на дорогу не выходят. Манят из тени, окутанной туманом.

– Повезло, что я не глазел по сторонам, – задумчиво произнес Венчур, уставившись в одну точку. – Я приболел, и боль была такой ноющей, что я думал только о ней. Поэтому, наверное, и не понял, что нахожусь в опасном месте. Пришел в себя, когда мой конь едва не раздавил кошку. Что же мне теперь с ней делать?

Чтобы показать, что я безобидна и не доставлю хлопот, я жалобно мяукнула. После молока мой голос обрел чистоту и нежность.

– Вот видите! – тут же ткнула пальцем в мою сторону подавальщица. – Началось! Аж самой захотелось взять в руки и погладить эту тварь. Сжечь ее надо! Сжечь! Пока она всех нас за собой в Туманный лес не увела. Если попадете в село Сороки, сами увидите, там ни одного жителя не осталось. Всех вот такая милая кошечка–оборотень в лес заманила. Дети первые пошли, а за ними остальные, даже старики.

Меня возмутили ее слова. Никого я не собиралась уводить

в лес. Мне самой туда страшно сунуться. Я зашипела и выгнула спину.

– Подождем жечь, – задумчиво сообщил Венчур. – Сначала нужно изучить странный феномен. Давненько в нашем королевстве не появлялись неизведанные твари. Знать бы, кто их здесь поселил и для чего. И почему местные старосты в столицу о них не донесли.

– Так старосты в числе первых и сгнули. А другие рассудили, что лучше от Туманного леса стороной держаться. Мы к феям не лезем, и они к нам.

– Неужели с собой сирену возьмете? – трактирщица присоединилась к беседе, когда поняла, что подавальщица, болтая, застряла у нашего стола. Дородная женщина сама принесла поднос с едой для господина Венчура, с укором посмотрев на молодуху. Мол, за тебя твои обязанности исполняю.

– Тогда на ночь клетку приготовьте, – подавальщица споро переставила тарелки на стол, нисколько не тушуясь под взглядом хозяйки. Тут такое происходит! Не до работы.

– Для кошки? Думаете, убежит? – отстраненное произнес Венчур, сглатывая голодную слюну.

Перед ним лежало блюдо с большим куском мяса и ждал своего часа запотевший кувшин с пенистым пивом. Я, как всякая несчастная животина, от вкусных запахов потеряла голову. Запрыгнула к спасителю на колени и потянулась когтистой лапой к тарелке. Кусочек мяса я пожевала бы.

– Клетка понадобится вам, господин Венчур, – хозяйка, наблюдая за мной, неодобрительно покачала головой. – Чтобы за сиреной следом в туман не отправиться.

– Я подумаю, как себя обезопасить, – Венчур сбросил меня с колен, как самую обыкновенную кошку.

В моих глазах стояли слезы. Мало того, что я превратилась в животное, так еще голодом морят и называют исчадием ада. Разве блюдце молока – это еда? Не пора ли бежать, пока эти две злодейки не убедили спасителя, что я опасна. Но куда? В тот страшный лес? Нет уж, лучше пусть изучают меня, как феномен. Тут хотя бы исследователь симпатичный.

– Тогда держите эту тварь при себе. Ее могут забить камнями. Хотя не отнять, она красива. Особенно эти крылышки. Переливаются, словно роса на траве, – трактирщица села на край скамьи и склонилась надо мной.

– Какие крылышки? – изумился Венчур.

Я тоже была ошарашена. У меня есть крылья? Я вспомнила котенка, которого пыталась спасти в заброшенной усадьбе. Уж не он ли поспособствовал моему превращению в свое подобие? Может, у меня и рога есть?

Я выгнула спину и увидела, что на ней расправились полупрозрачные, словно сделанные из стекла, вертолетные лопасти. Не ожидая такого апгрейда, я зашипела. От шока мое тело повело, скрючило, и я пошла боком.

– Чистый демон. Подождите, у нее еще рога вырастут, –

пообещала трактирщица. – Вам молоденькая сирена досталась.

Венчур поймал меня и пощупал голову.

– Рога есть, но их не видно из-за грязного меха.

«Уж простите, старалась умыться, как могла», – мысленно фыркнула я.

Хотя я пребывала в шоке, от прикосновения мужчины заручалась. Ласка всякой кошке приятна, даже такой твари, как я. Может, ему следует показать, что я умею быть смиренной и покорной? Надо только дождаться конца трапезы. Глядишь, чего перепадет с барского стола. Иначе помру до лаборатории.

Помереть не дали, но при этом страшно оскорбили: побросали кусочки мяса прямо на грязный пол. А я не привыкла есть не с посуды, поэтому обиженно отвернулась.

– Ишь, какая цыпа, – цыкнула трактирщица и пододвинула ближе блюдце из-под молока. Кряхтя собрала все «подношение» и сложила в посудину.

Я еще немного подулась, но голод не тетка, поэтому вынуждена была есть. Тщательно встряхивала каждый кусочек, чтобы, не дай бог, не подцепить местную заразу. Мне еще расстройств живота не хватало. Тогда никаких рубашек господина Венчура не хватит.

Он, насытившись, благодушно взирал на мои капризы. Закончив есть и умывшись собственной лапой, я подняла глаза на спасителя. Он улыбался. Осмелев, я запрыгнула к нему

на колени и, скрутившись теплым комочком, заурчала. Я почувствовала, как он напрягся, но сообразив, что это высшая степень доверия, запустил пальцы в подсохший мех.

– Ну что, дорогая сирена, в путь? – спросил он, когда я подставила ему шею и прибавила громкость умиротворяющего звука – внутри меня играл баян. – Не будем смущать народ своим присутствием.

Покопавшись в сумке, он вытащил оттуда тонкий ремешок и соорудил что-то вроде удавки. Я возмущенно зашипела. Шерсть по хребту встала дыбом.

– Прости, но так надо. Чтобы люди видели, что ты бегаешь не сама по себе, а у тебя есть хозяин.

Не прошло и дня, как я попала в чужой мир, а у меня уже есть хозяин и я учусь ходить на поводке. Я послушно побежала за господином Венчуром. Мне не нравилось, когда он натягивал кожаный ремешок, чтобы я поторапливалась. Оказывается, это очень неприятно быть привязанной к кому-либо.

Хозяйский конь покосился на меня и попытался стукнуть копытом, но Венчур вовремя дернул за мой поводок, и я без крыльев взлетела в воздух. Я еще не умела ими пользоваться, поэтому была рада, что меня поймали, не дав убиться. Заняв привычное место в седельной сумке, я устроилась поспать. Это пусть хозяин думает, где устроиться на ночлег. Мне и так хорошо. В подневольной жизни есть свои прелести.

Мы ехали почти всю ночь. Я изредка просыпалась и пя-

лилась в темноту. Однажды даже забыла, что теперь я кошка и, испугавшись, едва не вывалилась с нагретого места. Венчур вовремя меня поймал. Но резкое движение, которое ему пришлось сделать, разбередило рану. Он, стиснув зубы, застонал, а я учуяла запах свежей крови.

Чувство вины – странная штука. Я не была виновата в том, что перенеслась в незнакомый мир, и не я ранила господина Венчура, а поди ж ты, переживаю, что нечаянно причинила ему боль.

– Ну чего ты трясешься? – тихо спросил он, хотя я сама не замечала, что меня колотит. – Замерзла?

Я жалобно мяукнула.

Глава 4

Венчур сунул меня себе под плащ. Вот тут я почувствовала острый запах крови. Старой и свежей. Хозяину бы поменять бинты и отдохнуть на кровати, а он из-за какой-то кошки покинул постоянный двор.

Набравшись наглости, я перебралась под другую руку и скрутилась калачиком там, где сильно пахло болью – как раз под сердцем. Возможно, у Венчура были поломаны ребра, потому что он зашипел от боли, когда я поудобнее устроилась.

Я помнила, как Вероника – бабушкина подруга, говорила, что кошки лечат. Ее белая Пуся всегда чувствовала, когда у бабы Веро – так я ее называла с детства, болят суставы. Кошка пробиралась под одеяло и ложилась на нужное место, а утром Веро уже лихо давила на педали своей автомашины. Вот и я понадеялась, что тоже являюсь лечебной.

«У коровки боли, у зайчика боли, а у Венчура не боли», – промурлыкала я и уснула.

Проснулась на рассвете. Солнце еще не взошло, но уже разогнало серость ночи. Слышался плеск воды. Ветер шелестел кронами деревьев и доносил запахи тины и полевых цветов. Я все еще была закутана в плащ, но он лежал на траве. Рядом пасся стреноженный конь.

Плохая из меня кошка. Совсем не чуткая. Хозяина поте-

ряла.

Я вытянула шею. Венчур сделал привал у реки. Спаситель шумно плескался за кустами, временами фыркая, словно был одной породы со своим конем.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.